

«Но все это — пустяки, поэма настоящая и Вы — настоящая». Да и невозможно представить его не только недоброжелателем Ахматовой, но хотя бы высокомерным наставником, как это получается по А. Павловскому. Пороюсь в Блоке. Статья «Без божества, без вдохновенья», направленная против акмеистов, и такая фраза об Ахматовой: «настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова». В дневнике (7 ноября 1911 года): «А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше)». Невозможно бросить тень на раннюю Ахматову с помощью... Блока. Да и стоит ли стараться «снизить» ее?

Зато Ахматову периода военных лет автор превращает в поэтессу с сугубо военной тематикой, наделенной одним эпическим пафосом. Это не совсем верно. Она не могла, естественно, не откликнуться на суровые события военных лет и написала одни из лучших стихов в советской поэзии того времени. Но она была не только военным лириком, Ахматова продолжала работу над «Поэмой без героя», писала «Тайны ремесла» и другие стихи. Ахматова,

глубокий лирик, всегда оставалась им со всем разнообразием своих тем.

Методы литературоведения легче всего приложимы в том случае, когда поэт уже отошел от нас на исторически значительное расстояние и его творчество проверено временем и исследователями. Если речь идет о современнике, то неполнота научной информации для критики в какой-то степени восполняется близостью личности поэта (как это отразилось в статьях о Берггольц и Заболоцком). Но это не значит, что, приложенный к современности, сам метод, избранный А. Павловским, не требует к себе строгого отношения. Критерии, заложенные критиком в основу его метода, справедливы. Но А. Павловский сделал их зыбкими, не подкрепив теми многими условиями, без которых анализ лирической поэзии превращается в схематическое описание. Пользуясь термином фотографии, А. Павловский «недодержал» сделанное им изображение. Позитив вышел в ряде мест вялым и плоским. Глубоким не делает его даже ретушь пышных словесных украшений.

А. КУЗНЕЦОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПОРА*

К Юрию Тынянову, ученому и художнику, наша литературоведческая наука долгое время относилась не совсем определенно и уж вовсе не единомысленно. Признанный глава формальной школы и, с другой стороны, наименее ортодоксальный формалист, он был фигурой, вокруг которой ломали копья соратники и противники.

* А. Белинков. Юрий Тынянов, «Советский писатель», М. 1965, 636 стр.

Разумеется, не настало, да никогда и не настанет, время трогательного единодушия. Но сегодняшнее состояние литературоведения создало наконец вполне благоприятные предпосылки для объективного, спокойного, подлинно научного разговора о книгах Тынянова, чье имя не так уж давно многим казалось одиозным.

Книга А. Белинкова удачейшим образом использовала эти предпосылки.

Впервые она вышла в 1960 году, вызвав большой интерес со стороны читателя и довольно скромный со стороны критики (припоминаю лишь две рецензии — Л. Левицкого в «Новом мире» и В. Шкловского в «Литературной газете»). Нынешний ее вариант назван всего лишь «вторым изданием»; однако, если даже прибавить к этим двум словам определение «значительно дополненное и переработанное», то и это не дает представления о количестве и качестве проделанной А. Белинковым работы. Значительно увеличился объем монографии, а главное — стала четче авторская позиция, определеннее симпатии, стройнее и последовательнее концепция. Отдельные главы (например, глава о «Смерти Вазир-Мухтара») попросту переписаны.

Новая книга отличается от прежней, как заверченный труд от эскиза.

А. Белинков предупреждает, что в книге «нет панорамы тыняновских романов», нет обзорности. В ней вообще нет многого из того, что уж непременно ожидаешь встретить в книге о Тынянове. Краток и служебен разговор о Тынянове-ученом; его статьи интересуют А. Белинкова лишь постольку, поскольку они «отстоялись словом». Тем более нет биографических сведений — книгу никак не отнесешь к жанру критико-биографического очерка. Впрочем, вряд ли она представляет собой и чистый образец «очерка творчества»: в ней, например, вовсе нет стилистического разбора тыняновских книг, в ней не говорится о его мастерстве портретиста и бытописателя. Возможно, читателю даже станет жаль, что монография прошла мимо пусть и второстепенных, но в высшей мере художественных характеров, таких, как Булгарин в «Вазир-Мухтаре» или Василий Львович в «Пушкине».

Книга «Юрий Тынянов» — книга одной темы; самоограничение автора сознательно. Ее стихия — история. История, воплощенная в художественной литературе.

При этом само понятие «исторический роман» истолковывается А. Белинковым очень определенно: «Главное в историческом романе не действующие лица с историческими именами, а исторические законы, которые двигают события, вошедшие в повествование».

Поэтому А. Белинков отказывает в праве считаться настоящими историческими писателями тем авторам, которые отлично знают, каков у их героев покрывало камзолов и цвет султанов, как выглядят их шпоры и черешневые чубуки, но у которых все эти аксессуары призваны лишь прикрыть внеисторическую сущность героев, а сами герои послушно движутся и открывают рты по мановению дирижерской палочки.

Исследование общих исторических законов, отраженных Тыняновым, исследование самого хода истории позволяет А. Белинкову естественно обращаться к тем годам, когда тыняновские романы писались, к обстановке и настроениям тех лет. Но, сознавая, что «исторический роман не уводит от действительности, а вводит подобие, аналогию и параллель», А. Белинков хорошо понимает, что «творчество Тынянова следует рассматривать не как отражение конкретных явлений действительности 20—30-х годов, а в связи с причинами, которые вызвали к жизни эти конкретные явления». Поэтому А. Белинкову и в голову не приходит мысль искать у Тынянова конкретных, буквальных аналогий истории и современности. Он показывает, что исторический опыт Тынянова, современника революции и послереволюци-

онных преобразований, помогал писателю особенно отчетливо понимать прошлое и его связь с настоящим — ход истории.

Герои Тынянова зависят от истории, а иногда и влияют на нее. Эти взаимоотношения с историей определяют их судьбу.

Так — в «Кюхле», где не особенности темперамента, а логика личности приводит героя на Сенатскую площадь. Чистый, умный и талантливый (последнее Тынянов утверждал вопреки сложившемуся мнению), Кюхельбекер не мог поступить иначе, оставаясь самим собой.

А в другом романе, значительно более сложном и трагическом, — в «Смерти Вазир-Мухтара», — Тынянов показывает, как ломается и гибнет выдающаяся личность, решившая не сопротивляться деспотизму, попробовать приспособиться к нему.

Личность и самовластие — вот, по справедливому мнению А. Белинкова, одна из основных тем Тынянова. Личность и самовластие несовместимы, они враждебны друг другу по самой своей природе.

В этом смысле не только остроумен, но и замечательно точен белинковский анализ рассказа «Подпоручик Киже».

Как известно, фабулу рассказа Тынянов заимствовал из двух анекдотов о павловском времени. Быть может, это обстоятельство и повлияло на распространение взгляда, что и рассказ Тынянова — анекдот о «полуидиотическом императоре» (по выражению Н. Маслина) и что в нем «нет ни характеров, ни героев» (Л. Цырлин).

Что ж, и анекдот как-то характеризует эпоху: и такое бывало, и такое могло случиться. Но Тынянов, доказывает А. Белинков, снял случайность анекдота, сумел воплотить в

рассказе не просто странности времени, но закономерности деспотического государственного устройства.

В «Подпоручике Киже», по словам исследователя, частный случай превращен во всеобщий, найдена «формула самовластия». Оказалось, что по логике взаимоотношений деспотизма (в данном случае русского самодержавного) и личности наиболее приемлем для деспота человек ничтожный. Нарушаются все нормы — ничтожество в особой цене: «Типичский характер в эпоху Павла — это такой характер, который не проявляет своих характерных свойств, это характер, которого нет».

И далее: «Горькое восклицание Павла: «У меня умирают лучшие люди», — не пустая фраза, потому что для самовластного злодея, для самодержца (а самодержец может быть только самовластным злодеем, каким бы по природе хорошим человеком он ни был) «лучшие люди» — это такие, которые лишены личных характерных человеческих свойств, лишены своеобразия, индивидуальности, характера. Такие люди делают быструю карьеру и становятся генералами Киже».

Традиционная новелла с «отсутствующим героем» выросла до реалистического гротеска, то есть до гротеска, рожденного не болезненным воображением автора, а самой исторической реальностью. И не случайно А. Белинков вспомнил здесь Гоголя, его повесть «Нос».

Может быть, стоит пожалеть, что эта аналогия не развита. Она лишь упомянута. А ведь анализ повести «Нос» мог бы показать с особенной очевидностью связь гротеска с самой что ни на есть бытовой реальностью. Достаточно сравнить, например, эту повесть с публицистическим очерком Гоголя «Петербургские

записки 1836 года», в котором иными — отнюдь не фантастическими — средствами показано ничтожество человека в мире, где критерии человеческой ценности смещены и условны, где чины, аксельбанты, начальственные бакенбарды «отчуждаются» от их владельцев, начиная самостоятельное существование. Совсем как выдуманный Нос.

Конечно, наивно навязывать критику ту или иную аналогию. И возможно, я посожалел о «Носе» только потому, что сравнение «Подпоручика Кижее» с рассказом Анатоля Франса «Пютуа» показалось мне несколько надуманным, не обогащающим мысль, а выводы автора не совсем справедливыми. Вряд ли можно сказать, что события, происходящие в «Пютуа» (в отличие от «Кижее»), выражают незначительные явления. Вряд ли стоит — во всяком случае, столь решительно (решительность не снимается оговорками) — противопоставлять правду об общечеловеческом (Франс) правде о государственности (Тынянов).

Я говорил, что книга А. Белинкова лишена запальчивости, с которой еще недавно велись споры о Тынянове. Это, однако, вовсе не значит, что ей свойственна академическая закругленность. А. Белинков немало спорит: с отдельными критиками, с подходом к историческому материалу иных прозаиков — А. Виноградова, И. Новикова, В. Вересаева. Спорит с самим Тыняновым. С ним, пожалуй, чаще, чем с другими.

Книга эта вообще выгодно отличается от комплиментарных монографий, восторженных, славословящих, как некролог. И потому не менее заупокойных. Такие книги, сбивающиеся на вылавливание удачных образчиков стиля и правильных ответов, любого писателя способны изо-

бразить первым учеником. В особенности же противоестествен такой подход к Тынянову. Он спорил со всеми: с традиционной литературной наукой, с устоявшимися взглядами на историю и исторические личности (например, на Кюхельбекера или Грибоедова), спорил даже с Пушкиным, с его трактовкой Грибоедова (хотя и «поверял Пушкиным русскую литературу», по выражению А. Белинкова).

Тынянов спорил со всеми, А. Белинков нередко спорит с Тыняновым — с его «Историческими рассказами», с концепциями «Восковой персоны» или «Малолетнего Витушишника», с некоторыми его взглядами на историю народа и историю литературы, выразившимися в «Смерти Вазир-Мухтара», и т. д.

Не удивительно, что порою хочется продолжить этот спор — уже с А. Белинковым, например с его анализом романа «Пушкин», вернее, с частностями анализа, в общем, верного и тонкого.

В книге, как мне кажется, есть страницы, на которых несомненное достоинство метода А. Белинкова — преимущественное внимание к историческим законам — получает слишком последовательное продолжение и, как водится, оборачивается недостатком.

На одной из таких страниц А. Белинков пишет: «В формулу исторического процесса Тынянов подставляет человека с присущими ему свойствами социально-исторической психологии и прослеживает, как этот человек отвечает на удары истории».

Это сказано без упрека и, как мне кажется, звучит несправедливо: изображение сложного творческого процесса упрощено здесь ради лапидарности. Еще более выразительно в этом смысле и еще более несправедливо сказано о романе «Смерть Ва-

зир-Мухтара»: «Тынянов строит роман, как алгебраическую формулу, в которую вместо букв можно подставить любое значение — любые цифры, яблоки, поезда, бассейны и другого человека».

Думаю, впрочем, что в обоих случаях стремление к предельно точной, поистине алгебраической формуле привело А. Белинкова в противоречие не только с методом Тынянова, но и с собственным его методом, как раз в большинстве случаев и отличающимся глубоким и научным историзмом. Но кое-где эта «алгебраичность» коснулась и анализа, а именно в разговоре о романе «Пушкин».

А. Белинков упрекает Тынянова в том, что в «Пушкине» писатель напрасно отступил от трагизма «Вазир-Мухтара»; он видит в этом одновременно и отступление от сложности. Оптимизм «Пушкина» кажется А. Белинкову несколько насильственным, облегченным и даже связанным с известной установкой 30-х годов: жить стало лучше, жить стало веселее.

Мне кажется, дело не в этом.

Да, пушкинская судьба была не менее трагична, чем грибоедовская, — от первой ссылки до пули Дантеса. Но судьба писателя не равна его биографии.

«Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта — не легкая и не веселая; она трагическая...» Это написал Блок.

В русской литературе нет, быть может, более осуществившегося писателя, чем Пушкин. Нет более гармонической фигуры. Его «линия в русской литературе... была *восходящей*», по словам самого же А. Белинкова. Потому так светел роман «Пушкин», потому светел даже конец «Кюхли», когда герой в предсмертной

галлюцинации видит вдруг рыжекудрую юную голову Пушкина. Это счастье, как счастье сознавать, что было и осталось на свете «веселое имя: Пушкин».

Грибоедов — иная фигура. Для нас — автор гениальной комедии, для себя он был неосуществившимся писателем. До «Горя от ума» он написал несколько комедий — не ниже уровня хорошего драматурга Шаховского, но и не выше. Главное же — после «Горя от ума» он не создал ничего сколько-нибудь значительного. И черновики его говорят, что он не просто «не успел»...

А ведь он не был дилетантом, неожиданно почувствовавшим приступ гениальности. Он был литератором — литератором прежде всего. И трагизм его судьбы определен не только тегеранской драмой.

Пожалуй, в этом случае А. Белинков, выясняя исторические концепции Тынянова, только ими и поверяя тональность его романов, не учел, что она связана здесь не только с настроением времени (никалаевского, тяжелейшего), но и с победой поэта Пушкина над временем. Победой несомненной, хоть мы и не в силах забыть о Черной речке.

Подобные выводы редки в этой книге, а главное — повторяю — противоречат ее собственному духу, ее серьезности, ее научности.

Хочется отметить еще одно — то, что книга «Юрий Тынянов» очень хорошо написана. Этот комплимент может показаться излишним: какая из нынешних критических книг не написана «живо» или в крайнем случае «доступно»? Но здесь дело не в живости.

Часто говорят о «прозе поэта». Имеется в виду тот случай, когда специфическое поэтическое мышление воплощается в прозе и сообщает

ей дополнительные выразительные средства. В применении к книге А. Белинкова я бы сказал о «прозе критика». А. Белинков не ищет подсобных украшений, не заимствует у прозы «описаний» и «образов»; он всюду остается критиком, то есть, по известному выражению, художником, у которого аналитическая сто-

рона дарования развита больше, чем прочие. И точность, а то и красочность его языка рождены напряженностью критического мышления, его бескомпромиссностью, самостоятельностью, как, впрочем, и иные достоинства книги.

Ст. РАССАДИН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРИТИКЕ*

Рецензирование библиографических работ — довольно сложная задача. Кажется бы, что можно почерпнуть из перечня несметного множества разнородных изданий? Однако в библиографических пособиях кроется нечто большее, чем простое перечисление. Об этом писал еще Валерий Брюсов:

При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

Брюсовские «Терцины к спискам книг» написаны шестьдесят пять лет назад. С тех пор во многом изменились приемы библиографического описания, изменились приемы составления пособий, но назначение библиографического труда остается прежним — *информировать* о наличии и содержании литературы по тому или иному вопросу. Сопоставляя элементы описания отдельных произведений (имя автора, название произведения,

выходные данные), мобилизуя при этом свои знания и фантазию, мы получаем представление о содержании произведения. Разумеется, ознакомление с библиографическим описанием не заменит чтения самой описанной библиографом книги, но оно поможет отыскать ее и в какой-то степени подготовит нас к процессу чтения. Таким образом, труд библиографа вводит нас в курс того или иного вопроса, и чем более многосторонен и добросовестен этот труд, тем шире наша ориентация в данной области.

Рецензируемый указатель, созданный сотрудниками Отдела литературоведения Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, является *первым* в истории советской библиографии опытом систематизации советских литературно-критических и литературоведческих работ по общим вопросам и основным проблемам советской литературы за 1917—1962 годы. В указателе зафиксировано около 12 тысяч книжных и журнальных публикаций. Рациональная структура указателя: он открывается разделом общеметодологической литературы, далее следуют работы, посвященные советской литературе в целом, затем группиров-

* «Советское литературоведение и критика. Русская советская литература (общие работы). Книги и статьи 1917—1962 годов. Библиографический указатель», «Наука», М. 1966, 591 стр. (АН СССР. Фундаментальная библиотека общественных наук имени В. П. Волгина).